Через некоторое время Дин Цзинькуй сказал: "Хорошо, я возьму ее. Она уже взрослая, и ее проступки не должны ложиться на плечи других, и уж точно не родителей".

Слова Дин Цзинькуя немного успокоили Юэ Пэнчэна. Он чувствовал себя довольным этой приемной дочерью.

У Дин Цзинькуя было больше мозгов, чем у Дин Мулиана. Он знал, что говорить, а что нет.

Как только Дин Мулиан услышала, что Юэ Пэнчэн сказал ее брату отвести ее в полицию, она запаниковала. Ее лицо горело и распухло, как поднимающееся тесто для булочки. Но ей было все равно. Она плакала: "Папа, пожалуйста. Не надо, папочка... Я не хотела, мне просто интересно. Папочка, папочка..."

У Юэ Пэнчэна было каменное выражение лица. Когда-то он проявлял к ней любовь и заботу в их отношениях отца и дочери; они смеялись и веселились вместе. Люди были такими непостоянными существами, что одно мгновение могло полностью изменить их отношение к другим.

Юэ Пэнчэн теперь ненавидел Дин Фу всеми фибрами своего существа, тем более свою приемную дочь.

Вначале он согласился взять их к себе, потому что Дин Фу попросила об этом. Ему было невыносимо видеть ее несчастной, поэтому он уступил.

Теперь же Юэ Пэнчэн хотел только одного - вышвырнуть этих троих, которые обделяли его последние несколько десятилетий. Раньше он никогда не чувствовал беды, сколько бы денег они ни тратили.

Теперь же любая копейка, потраченная на них, была для него пустой тратой.

Дин Мулиан, видя, что Юэ Пэнчэн не реагирует, повернулась к Дин Фу и запричитала: "Мамочка, мамочка... Ты любишь меня больше всех, мамочка, ты любишь меня больше всех. Пожалуйста... Я не хочу, я не хочу... Я попаду в тюрьму... Я еще молода, я не могу попасть в тюрьму".

Дин Мулиан была в порядке, пока не сказала "сяду в тюрьму". С этими тремя словами Юэ Пэнчэн со всей силы выбросил ногу, весь пылающий гнев от того, что узнал об интрижке, вылился наружу и перелился через край.

Сука... эта неблагодарная соплячка.

"Вы сами знали, что ввозите незаконные предметы, и вас за это посадят в тюрьму. Значит ли это, что я не буду?

" Если бы полиция действительно предположила, что преступник - он, что бы он сделал?

Дин Мулиан скользила по полу, пока не ударилась о стол. Она корчилась от боли и плакала: "Мамочка... мамочка...".

Слезы, которые проливал Дин Фу, казались едва ли не более горестными, чем слезы Дин Мулиан. "Мулиан, как я тебя вырастила? Посмотри на себя, как ты можешь быть таким непослушным?"

Дин Мулиан подползла к Дин Фу и вцепилась в рукав ее рубашки. "Мамочка, я была не права, я была не права. Меня соблазнили другие. Я попробовала совсем чуть-чуть, я никогда не пробовала настоящего. Я была не права. Пожалуйста, скажи папе, чтобы он не отправлял меня в полицию. Он больше всего слушает тебя - все, что ты говоришь, он выполняет, так помоги мне сказать ему... Я была не права... Я знаю, что была не права".

Невольно Дин Мулиан снова задел больное место Юэ Пэнчэна. Правда, когда-то он слушал все, что говорил Дин Фу. Он никогда не использовал свой мозг, чтобы процедить ее слова, просто принимал все как есть.

Теперь, когда он подумал об этом, он действительно был дураком. Как он раньше не разглядел истинное лицо этой сучки?

Если бы он только выгнал ее раньше, ему не пришлось бы терпеть такое унижение.

Дин Фу положил руку на голову Дин Мулиан и вздохнул: "Мулиан, ты уже выросла. Ты уже не та маленькая принцесса, которая вытирает сопли в моих объятиях после того, как разбила миску. Мама уже старая, и я не могу защитить тебя от всего. Это не маленький вопрос. Совершив ошибку, ты должна по справедливости получить наказание, и ты не потеряешь лицо. Пока ты будешь меняться к лучшему, ты всегда будешь маминым милым ангелочком".

http://tl.rulate.ru/book/31135/2186542